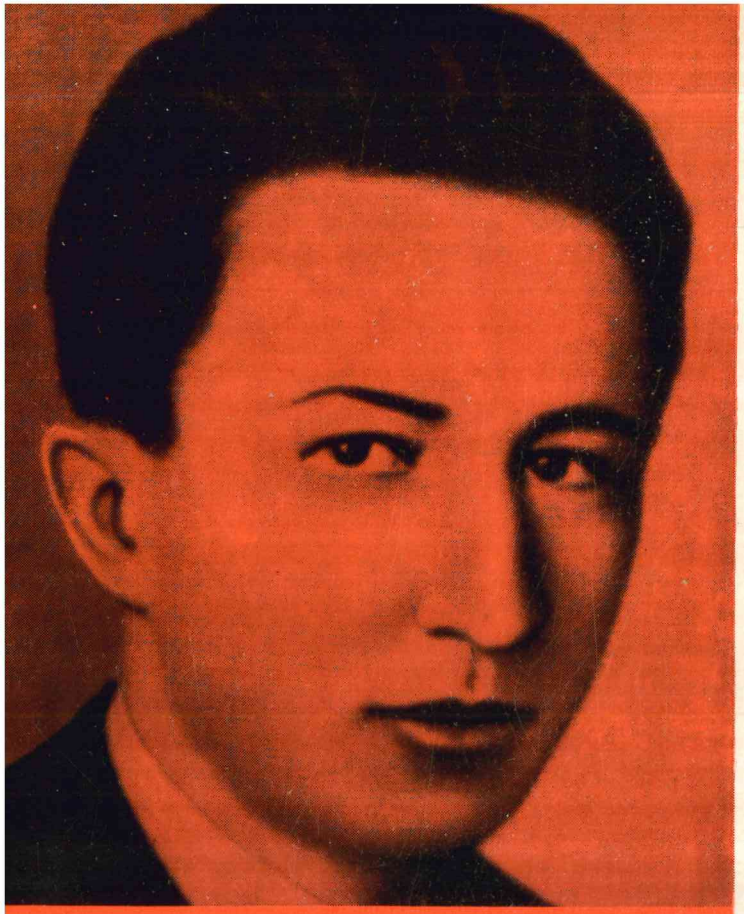

Анатолия Попова выдвинуло в герои само время.

В дни Октябрьской революции и гражданской войны он проявил себя мужественным и находчивым, беззаветно преданным делу партии, готовым на самопожертвование во имя светлых идеалов.

Этот юноша (сын писателя Серафимовича) был одним из тех, кто создавал Союз рабочей молодежи в Москве.

Девизом его жизни были слова: «Бороться, пока сил твоих хватит, пока рука твоя поднимается, а глаз видит кругом».

ТВОИ ГЕРОИ, КОМСОМОЛ

Б 68-54/328 5бк

АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА

Анатолий Попов

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1968

спрашивал Толя. — Чему отдать себя? Мне противно, что я только говорю, а ничего не делаю.

— Вот уж не похоже на вас, господин Попов. Да вы же для меня всегда были образцом уверенности в себе... — Инна еще сохраняла иронический тон, но глаза уже потеплели.

— Мама все время говорит, что у меня большое будущее, а я вижу, что его нет, что из меня ничего не выйдет, что я никчемный человек. — Толя резко повернулся к Инне и серьезно, переходя на дружеское «ты», прямо спросил: — А вот ты знаешь, кем будешь?

— Я? — растерянно переспросила Инна. Она слушала, поддаваясь его настроению и заражаясь им. — Я? Не знаю. Я постараюсь не делать людям зла, быть доброй...

— Зла? Разве это главное? И к кому быть доброй? А может быть, зло делать надо? Надо!

— Ну что ты, Толя, — смешалась его спутница. — Это грубо, это бесчеловечно, это, наконец, некрасиво.

— Грубо? — Анатолий хотел еще что-то сказать, но в этот момент у дверей ресторана, мимо которого они проходили, разыгралась любопытная сцена. Толя с Инной остановились.

Казак, вероятно с Ходынского поля, слез с лошади и направился в ресторан. Он был новичок в Москве и, видимо, не знал, что в ресторан казаков не пускают. А «казенки», где раньше продавалось вино, с началом войны закрыли. Казака не пускали, он буянил. Тогда швейцары вдвоем стали его выводить.

Неожиданно конь, увидевший в беде хозяина, ринулся к двери, чтобы защитить его. Конь заржал, просовывая морду в дверь. Растерявшиеся швейцары оставили казака.

— Ну и как? — засмеялся Толя. — Конь ведь тоже действовал грубо. Но он прав, не правда ли?..

Простившись с Инной на Поварской, Толя зашел еще в два книжных ларька, наконец в третьем нашел «Русские ведомости». Жадно пролистал страницы. Увы, корреспонденций Александра Серафимовича Попова, выступавшего под псевдонимом «Серафимович», не было. Откуда было Толе знать, что материал отца запрещен цензурой?

Дни шли за днями, тягучие, однообразные. В гимназии — лицемерие, муштра, самодовольные физиономии. Дома — нет отца, единственного друга и советчика. Игоря Толя считал мальчишкой, недостойным его, Толиной, откровенности.

Пожалуй, только бабушкины рассказы выводили Толю из душевного оцепенения.

Сядут, бывало, они вечером возле печки в столовой. Толя — на маленькой скамеечке, бабушка — на стуле, прижмет сухонькие свои руки к теплой еще голландке и начинает:

— ...Вот уж как устали, как устали. Полный день ехали — степь-то без середки и без края. Остановится наш черный фургон, все и сидят притомившись. А Сашенька прыг да скок и уж просится у меня к своему коню Калмычку. «Дай, — говорит, — мама, проехать до речки». Я не даю. А он стоит, не плачет, да так глядит на меня, так глядит... Я и разрешу, бывало.

Дед Анатолия служил казначеем в полку, жизнь у него была кочевая. И бабушке, Раисе Александровне, пришлось испытать все тяготы походной казачьей жизни. С тремя детьми, то в обозе, то в хатке, с чужими, случайными спутниками — не успеешь обзавестись обстановкой, уже надо собирать чемоданы. Зато она умела ладить с людьми, умела найти нужное слово, ласково взглянуть, прийти на помощь и того же ждала от окружающих. Она до старости сохранила быстроту в движениях, была весела и приветлива. А смеяться умела — как колокольчик.

При Раисе Александровне только назови имя Сашеньки — и уж не остановишь воспоминаний. Одну и ту же историю она могла повторять много раз. Любимым был ее рассказ о том, как сын не стал военным.

Ему было семь лет, и увидел он однажды, как офицеры на берегу Дона избивали казака. Долго глядел Сашенька, не в силах сдвинуться с места, а потом прибежал к матери и, весь в слезах, уткнулся в юбку. И тогда Раиса Александровна, насмотревшаяся вдоволь на солдатскую жизнь, сказала ему: «Никогда, никогда не будь военным!»

«И слава богу, — крестилась бабушка, — не стал он военным».

Бабушка неожиданно принималась смеяться, причем никак не могла успокоиться.

— Ну что ты, бабуся, ну что? — сгорал от любопытства Толя.

А она уже вспоминала:

— Ох и смешные эти писатели!.. Приходит как-то Леонид Николаевич Андреев, сам красавец — ну Иоанн Креститель, — ему бы только псалмы петь, а он смешит всех. И рассказывает про Скитальца — это тот, что, помнишь, в «подмаксимках» вместе с Андреевым ходил?

— Нет, я не знаю этого, — вставляет Толя, — что это, ба?

— Да как же, Скиталец с Андреевым в сапогах, поддевках ходили, как Максим Горький, вот их и прозвали «подмаксимками». Так вот, Андреев и вышучивает Скитальца. Приехал будто тот с женой в Ялту. Доктор велел козье молоко пить, вот и пошел Скиталец на базар козу покупать. А привел-то козла! Стал у них жить козел — что поделаешь. Но козел-то оказался бешеным. Все постели посбивал, посуду побил, никакого сладу с ним. И тогда будто Скиталец с женой тайно от козла собрали вещички, да и бежать. Ой, и шутник же Леонид Николаевич был! Да и мне, бывало, от него доставалось... А вот как последний раз я его видала, так совсем не тот. Не тот — да и все. И шутить-то уж стал как вроде бы по службе...

До поздней ночи горит керосиновая лампа в столовой на Большом Трехгорном. Толя все слушает и слушает...

ЛЕТО ОТКРЫТИЙ

Ранним июльским утром, выйдя из своей комнаты, Толя увидел в столовой на стульях два чемодана. Это были старые спутники отца. Приехал! Толя на цыпочках подошел к комнате отца. Тот спал на диване... Бородка и отросшие вниз усы, выпирающие скулы делали его похожим на калмыка. Мятая гимнастерка на стуле и шинель аккуратно сложены.

От внезапно нахлынувшей нежности сжалось сердце. Толя так и стоял у дверей, пока отец не проснулся...

Ура! Через несколько дней они с отцом едут за город.

И опять в прихожей появляются два вместительных потрепанных чемодана. Александр Серафимович не любил громоздких вещей, считал, что они обременяют человека, мешают ему свободно жить. Зато чемодан — вещь необходимая. Причем уложить в него он мог столько предметов, сколько никто бы не сумел.

...И вот они на даче. Среди праздничных сосен Казанской дороги!

Счастливое это время — лето!

Ранним-ранним голубым подмосковным утром просыпаются отец и сын.

— Доброе утро, Толунок! Как спал? — говорит Александр Серафимович, ласково косматя начавшие отрастать волосы сына (теперь Толя их «натирает» полотенцем, полагая, что от этого они начнут виться).

Впереди — целый день! Занятий — пропасть. Лишь вечером отец запрется в своей комнате и будет работать. А днем можно ловить рыбу, можно кататься на мотоцикле, пострелять «влет» из ружья монтекристо. А еще — это самое замечательное! — можно взять в деревне коня и с гиканьем и свистом промчаться по дороге в лес.

Это напоминало то время, когда они жили на Дону. Возьмут, бывало, с Игорем тайно от матери коня, выведут в красную от маков степь и по очереди скачут без седла.

А разве плохо просто взять палку и идти пешком далеко-далеко?.. Отец идет размеренно и неторопливо. Сын все время забегает вперед, возвращается, ждет, нетерпеливо обрывая головки ромашек.

В деревнях отец подолгу говорит с крестьянами, а Толя слушает.

Частенько заходили они в дом тети Дамаши, попить парного молока. Немолодая, веселая и огромная тетя Дамаша всегда с радостью встречала дачников. Пили молоко и начинали беседовать. Узнавали, что барин зол, что велики налоги, что сын вот уже второй год на войне... Антип, муж тети Дамаши, маленький, худой, говорил тихо, точно сам с собой. При этом улыбался как-то виновато.

Жена, наоборот, произносила слова громогласно, ве-

село и даже молилась истово и шумно; крестясь и кланяясь иконе, она говорила: «Спаси, помилуй меня, пресвятая богородица. А живу я в крайней избе на селе».

Толя как-то попытался заговорить с Антипом о смысле жизни.

— Для чего живу? — удивленно переспросил Антип. — Так ведь надо. Куды ж деться-то? Тяжел крест, так ведь надо несть.

— А разве только потому? Тогда смерть — это тоже хорошо? — спрашивал Толя.

— Жизнь моя не краденая, пошто умирать? Не... Придет время — бог возьмет.

Глядя на него, Толя вспоминал рассказ отца «Заяц». Героя рассказа тоже звали Антипом.

Та же покорность судьбе, сознание, что в жизни все устроено как надо и не ему ее изменять, та же страшная безропотность.

Однажды, когда Александр Серафимович с Толей, как обычно, направились в избу на краю деревни, за околицей их встретил Антип. Все так же виновато улыбаясь, он сказал, что пришла в их дом беда — получили похоронную на сына, слегла Дамаша, никого видеть не хочет. «Так что, пригожие дачники, уж извиняйте». Говорил он так, словно и сам был виноват в том, что сына убили.

На обратном пути отец был задумчив.

— Ему и в голову не придет обвинять тех, кто виноват в смерти сына. А сколько таких людей на русской земле! Посмотришь — и сердце сжимается. И кричать хочется во все горло... — Серафимович помолчал, потом добавил: — Так и не надела тетя Дамаша фартук на правую сторону...

Тетя Дамаша всегда носила фартук наизнанку («шоб целее был, шоб цветочки не загасли»). «Вот праздник будет, сын приедет, тогда одену на правую сторону», — говорила она.

— Ты знаешь, Толя, я почти кончил один рассказ. Он будет называться «На побывке». В основе его лежит подлинный случай. Я его слышал там (это «там» прозвучало многозначительно). Один солдат на войне заслужил «георгия», и за то ему дали возможность побывать

у себя в деревне. Солдат был спорый, веселый, хозяйственный. За неделю и сани поправил, и дома починил, и соломы наносил. Работал как оглашенный. Про войну веселые истории рассказывал... Только в последний день, когда ему возвращаться надо было, взял да и... повесился.

Александр Серафимович как-то вопросительно и неуверенно посмотрел на сына, словно сомневаясь в том, что рассказ будет хорош, в раздумье потер свою круглую, как дыня, лысину и закончил:

— Надо, надо кричать, говорить об этом. Война-то не нужна народу. Надо подниматься против нее.

И тут Толя признался, как он завидовал порой военным, и как хотелось ему на фронт, и как они собирали деньги в помощь фронту и он отдал всю свою копилку.

— Знаю, знаю, милый сын. Не один ты. Отечество в опасности, защищать надо. Видел на фронте чистых, святых людей... и вчерашних гимназистов тоже. Однако не в том дело. Копится большая сила, и кто знает, как потрясающе будет нарушено тягостное молчание, с каким страшным грохотом рухнет все...

Увлекательная все же это игра — городки! Правда, у Толи еще побаливает правая рука после перелома зимой. Но разве удержишься? Александр Серафимович предлагает ему считать одно очко за два.

— Ни за что. Только на равных, — отвечает сын. И конечно, начинает проигрывать.

— Да ты не волнуйся, — говорит Александр Серафимович. Но это действует еще хуже. В конце концов Толя бросил городошную биту и в слезах убежал в комнату. Отец постучался в дверь, но ему не открыли.

Весь вечер сын где-то прятался. От стыда готов был бежать в Москву. А ночью написал матери:

«Решил держать себя в руках, играть на одинаковых правах со всеми, хоть бы противником был сам черт. Играю для действия, а не для выигрыша.

С завтрашнего же дня начну тренироваться с соседом-студентом и потом все же обыграю папу. Только вот как мне теперь в глаза ему смотреть?»

ко, крепко пожать Вам руку и пожелать бодрости и твердости духа. Я крайне сожалею, что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с Вами. Но Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и заставить себя вернуться к работе. Простите, что пишу наскоро. Еще раз: крепко, крепко жму руку.

Ваш ЛЕНИН».

На другой день писатель достал путевой дневник с фронтовыми записями.

Медленно стал перелистывать страницы. Встречи... наблюдения... портреты красноармейцев...

Он видел перед собой людей железных, не знающих усталости, для которых революция озарена «ослепительным светом человеческого счастья». Ведь и сын его среди тех людей, частица огромного «железного потока». Странно... такой мягкий, мечтательный, самолюбивый мальчик, неуемный фантазер, и тоже влился в этот революционный железный поток. Впрочем, нет, ничуть не странно...

СОДЕРЖАНИЕ

В гимназии и дома 3
Лето открытий 12
Разговор с генералом 22
Поворот в истории 28
Когда разлилась Москва-река 36
Не ждать второго пришествия! 40
На Цветном бульваре 50
Жаркий июль в Москве 56
Пропасть уже бездонна 62
10 дней календаря 70
В капле 86
Если бы Толя в эти дни вел дневник... . . 93
Встреча с заговорщиками 98
Незабываемый день 103
Один на один с толпой 107
Бои на севере 115
Через Москву 124
Калач 127
Солнце над Доном 138
Последнее 147
Эпилог 156